

нести миръ всѣмъ націямъ. Человѣчество не въ силахъ болѣе переносить гнета господствующихъ классовъ, завладѣвшихъ всѣмъ общественнымъ достояніемъ; оно настоятельно требуетъ полного преобразованія всего соціального строя.

Революціонное меньшинство.

— „Все, что вы проповѣдуете, вполне справедливо», говорятъ наши противники. — „Вашъ идеалъ анархическаго коммунизма прекрасенъ, и его осуществленіе принесло-бы человѣчеству миръ и благоденствіе. Но много-ли тѣхъ, которые къ нему стремятся, которые его понимаютъ и готовы самоотверженно работать надъ его проведеніемъ въ жизнь! Вы составляете незначительное меньшинство, разсѣянное тамъ и сямъ, слабыя группы, затерянные среди индифферентной массы, а вашъ врагъ силенъ, хорошо организованъ и вооруженъ капиталомъ, образованіемъ и арміей. Борьба, принятая вами, превышаетъ ваши силы».

Вотъ возраженіе, которое намъ представляютъ наши противники и даже нѣкоторые наши друзья. Разсмотримъ, насколько справедливо это возраженіе.

Что наши анархическія группы составляютъ меньшинство въ сравненіи съ десятками милліоновъ, населяющихъ Францію, Испанію, Италію и Германію — совершенно вѣрно. Но что же изъ этого?

Представители нарождающихся идей всегда составляли меньшинство. Весьма возможно, что мы, какъ организація, останемся этимъ меньшинствомъ до самаго дня грядущей революціи. Но развѣ это аргументъ противъ насъ? — Въ наше время оппортунисты составляютъ большинство, не стать же намъ изъ-за этого оппортунистами? До 1790 года большинство составляли роялисты и конституціоналисты: неужели республиканцы той эпохи должны были изъ-за этого отказаться отъ своихъ республиканскихъ идей и стать роялистами, когда вся Франція шла большими шагами къ уничтоженію королевской власти?

Дѣло не въ томъ, что мы составляемъ меньшинство. Это не важно. Успѣхъ будетъ на нашей сторонѣ, если только наши идеи анархическаго коммунизма соотвѣтствуютъ современной эволюціи человѣчества. На нашъ взглядъ относительно этого не можетъ быть сомнѣній. Человѣчество стремится не къ усиленію власти, а къ освобожденію личности, къ свободѣ производителя и потребителя, къ Коммунѣ, къ свободнымъ союзамъ; оно возстаетъ противъ частной собственности и мечтаетъ о коллективномъ производствѣ и потребленіи всѣхъ товаровъ всѣми членами Коммуны. Въ большихъ городахъ коммунизмъ не страшитъ уже никого, особенно анархическій коммунизмъ. Въ деревняхъ эволюція происходитъ въ томъ же направленіи. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, поставленныхъ въ особые условія, вездѣ крестьяне начинаютъ понимать преимущество общественныхъ работъ и пріобрѣтаютъ орудія и машины для всеобщаго пользованія. Вотъ почему каждый разъ, какъ мы излагаемъ трудящимся массамъ свои идеи, каждый разъ, какъ мы говоримъ имъ простымъ понятнымъ языкомъ о соціальномъ переворотѣ, онѣ встрѣчаютъ насъ сочувственно, какъ въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, такъ и въ деревняхъ.

И возможно ли, чтобы это было иначе? Если анархія и коммунизмъ были-бы продуктами научныхъ изслѣдованій и философскихъ размышленій, то, быть можетъ, они не нашли-бы себѣ отклика. Но эти два принципа возникли въ средѣ народа. Они являются выразителями того, что думаютъ и говорятъ рабочіе и крестьяне, когда, забывъ на время свою обыденную жизнь, они мечтаютъ о лучшемъ будущемъ. Эти принципы являются плодами медленной эволюціи, происшедшей за послѣднее столѣтіе. Народъ надѣется, что они принесутъ миру справедливость, единеніе и братство. Онъ радостно привѣтствуетъ cadaго, излагающаго въ понятной формѣ эти идеи, зародившіяся въ его средѣ.

Въ этомъ сочувствіи народа и заключается настоящая сила анархическаго коммунизма; число же активныхъ сторонниковъ, сгруппированныхъ и организованныхъ, достаточно самоотверженныхъ, чтобы пренебречь опасностями борьбы и преодолѣть всѣ возникающія препятствія, играетъ второстепенную роль. Число это растетъ съ каждымъ днемъ, и мы надѣемся, что въ рѣшительный моментъ оно изъ меньшинства станетъ большинствомъ.

Исторія своимъ прошлымъ подтверждаетъ намъ это. Тѣ, которые составляли меньшинство наканунѣ революціи, становились преобладающей силой въ день ея наступленія, если они являлись выразителями стремленій народа, а революція была достаточно продолжительна, чтобы пустить кор-